

ЦЭНТР
ЕУРАПЕЙСКАЙ
ТРАНСФАРМАЦЫ

ПЯТУЧЫ УНІВЕРСІТЭТ

2023

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

© **Центр европейской трансформации**, 2023

© **Летучий университет**, 2023

Оглавление

Введение: область определения понятия и история явления	3
Запрет на профессию в Беларуси: новый этап.....	8
1. Формы и методы реализации запрета на профессию	9
2. Процесс разворачивания новых практик запрета на профессию в 2020-2022 годах.....	12
3. Масштабы реализации запрета на профессию в 2020-2022 годах.....	17
4. Установки на ресоветизацию в реализации запрета на профессию	21
5. Факторы, препятствующие полноте восстановления советских практик и тотального контроля.....	24
6. Системные эффекты реализации запрета на профессию для белорусского общества.....	27
Основные выводы и направления действий.....	29

Введение: область определения понятия и история явления

Говоря о запрете на профессию (от нем. *Berufsverbot*, где *Beruf* — профессия, *Verbot* — запрет), нужно различать два основных контекста, в которых употребляется это понятие.

Запретом на профессию часто называют ограничение на занятие определенной должности или осуществление профессиональной деятельности, которое является частью наказания за совершенное преступление (как правило, уголовное)*. Такого рода ограничения присутствуют в законодательствах многих стран, есть подобная норма и в белорусском уголовном праве. Чаще всего это касается четко определенных должностей или профессиональных сфер, где человек лишается права работать, связано с характером совершенного преступления, и не является пожизненным, сроки действия соответствующего ограничения закреплены в законодательстве или определяются решением суда. В любом случае, процедура накладывания такого ограничения четко регламентирована на законодательном уровне.

Совершенно иной контекст употребления термина «запрет на профессию» возникает, когда мы говорим об ограничениях либо препятствиях в осуществлении профессиональной деятельности, не связанных ни с наказанием за совершенные должностные или иные преступления, ни с профпригодностью, ни с экономическими факторами и состоянием рынка труда. В этом случае запрет на профессию обсуждается как форма дискриминации или преследования по различным основаниям: гендерным, расовым, национальным, языковым, политическим, идеологическим и т.п.

В рамках этого исследования мы будем говорить о запрете на профессию как о социально-политической практике, включающей разнообразные препятствия в осуществлении профессиональной деятельности, которая является разновидностью **преследований именно по политическим и идеологическим мотивам**.

Впервые практика запрета на профессию по идеологическим основаниям попала в фокус общественного внимания и обсуждения в 1972 году. Поводом для этого стало принятие в Западной Германии «Закона об экстремизме», целью которого была борьба с ростом леворадикальных настроений. В соответствии с этим законом граждане, нелояльно

* Например, «Современный экономический словарь» определяет запрет на профессию как «лишение граждан права на определенные виды труда, определенные должности в связи с совершенными ими преступлениями или профессиональной непригодностью» (см.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. **Современный экономический словарь**. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2007. — 495 с. — (Б-ка словарей «ИНФРА-М»)).

относящиеся к существующему конституционному строю, лишались права состоять на государственной службе. От его применения лишились работы около 11 тыс. человек и, по некоторым оценкам, более миллиона прошло через процедуру проверки на лояльность специальными комиссиями. Однако сразу же после принятия этот закон получил негативные оценки со стороны правозащитников и гражданского общества Западной Германии, была развернута широкая общественно-политическая кампания, в том числе и на международном уровне, по прекращению его действия. Благодаря этим усилиям, к концу 1970-х годов увольнение людей по идеологическим мотивам практически прекратилось. В большинстве земель Западной Германии действие «Закона об экстремизме» было отменено, а в землях, где он сохранился, его применение каждый раз связано с большими скандалами и общественными протестами.

Еще один близкий, хотя и не идентичный контекст, в котором активно обсуждалась проблематика запрета на профессию в начале 90-х годов XX века — процессы люстрации в странах бывшего «социалистического лагеря» и распавшегося Советского Союза. В большинстве посткоммунистических стран, где принимались законы о люстрации или декоммунизации, запрет на профессию выступал одним из часто практикуемых инструментов. Ограничения, которые вводились в процессе люстрации, в разных странах отличались в части применения (где-то они касались только государственной службы и только руководящих должностей, где-то распространялись на более широкий спектр областей и профессий: науку и образование, СМИ и т.п.), процедурному оформлению, систематичности и жесткости правоприменительной практики. Однако фактически во всех случаях запрет на профессию применялся в отношении лиц, занимавших руководящие посты при коммунистических режимах, а также сотрудников репрессивных органов и тех людей, кто тем или иным образом сотрудничал с соответствующими спецслужбами. При этом факты сотрудничества должны были быть доказаны, все это могло быть оспорено в суде, как и сами налагаемые ограничения на профессиональную деятельность**.

И в первой, и во второй исторических ситуациях мы имеем дело с законодательно оформленными ограничениями на осуществление профессиональной деятельности, так или иначе имеющими политические и идеологические основания. Однако часто запрет на профессию использовался и продолжает использоваться властями как механизм преследования политических оппонентов или просто инакомыслящих без всякого

** Такого рода иски подавались в разные судебные инстанции, вплоть до ЕСПЧ, известны случаи решений ЕСПЧ, который признавал запрет на профессию в отношении отдельных лиц непропорциональной мерой в силу разных обстоятельств (сроков давности, незначительностью фактов сотрудничества с секретными службами), не оспаривая при этом принципиальную справедливость применения запрета на профессию в рамках процесса люстрации.

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

законодательного оформления, процедур и, соответственно, возможностей отстаивать нарушенные законные права.

Так, механизмы запрета на профессию активно применялись в СССР, хотя власти не апеллировали к специальному закону (напротив, и на законодательном, и на риторическом уровнях равенство в «праве на труд» провозглашалось одним из «достижений», которым гордились коммунистические идеологи). При этом доступ к отдельным сферам деятельности или вообще к возможности легального труда на основании политической и идеологической лояльности (иногда на основе национально-культурной или мировоззренческой самоидентификации) регулировался постоянно на разных этапах существования СССР. Например, определенные посты и должности могли занимать только члены КПСС, верующим был ограничен доступ к широкому спектру профессий, запрет на получение определенного профессионального образования имели «лица еврейской национальности» и т.д., и т.п. Цензура и запрещение литературных произведений автоматически «выбрасывали» из профессиональной реализации писателей и поэтов, «черные списки» практиковались в отношении и других творческих профессиональных групп.

Действенность механизма запрета на профессию как средства борьбы с инакомыслием в СССР определялась не только разнообразием форм и отсутствием возможностей отстаивать свои права в судебном или общественном порядке, но еще и специфической организацией всей социальной жизни, которая и идеологически, и структурно центрировалась на ценности труда и первичности системы трудовых отношений. Запрет на профессиональную деятельность, увольнение с работы создавали крайне удобную для властей форму маргинализации и вытеснения неугодных людей из социальной жизни как таковой. Действенность такого механизма опиралась на то, что труд был не просто правом, но обязанностью и «делом чести» советского человека. Без включенности в систему «общественно полезного труда» люди теряли не только средства к существованию и социальный статус, но и лишались практически всех прав. С 1961 года «тунеядство» в СССР преследовалось по закону, сначала высылками из крупных городов, после уголовным наказанием. При практически полном отсутствии негосударственного сектора и наличии уголовной ответственности за «тунеядство», увольнение с работы и попадание в «черные списки» становилось не просто эффективным инструментом маргинализации инакомыслящих, но и часто первым шагом на пути лишения антисоветски настроенных людей гражданских прав через уголовное преследование или другие репрессивные меры.

После распада СССР период демократических преобразований в Беларуси продлился недолго, процессы люстрации и десоветизации практически не были запущены, поэтому вследствие авторитарного поворота многие советские практики с легкостью вернулись в социально-политическую реальность, хотя и в несколько измененном виде.

Возобновление практики запрета на профессию стало формой борьбы с политической оппозицией и инакомыслием уже на самых начальных этапах становления авторитарного политического режима.

В 2012 году Центр европейской трансформации впервые провел исследование практики применения запрета на профессию в Беларуси в период 1996-2011 годов¹. В ходе исследования было зафиксировано более 500 публично описанных случаев увольнений и лишения возможности осуществлять профессиональную деятельность по политическим и идеологическим мотивам. Так же, как и в Советском Союзе, в независимой Беларуси не было законодательно закрепленных ограничений в сфере трудовых отношений, однако постепенно вводились различные правовые нормы, которые облегчали реализацию запрета на профессию. Так, в 2004 году в стране были введены обязательные краткосрочные трудовые контракты, и это развязало руки действующему политическому режиму для легкого избавления от неудобных — искать специальные поводы для увольнения стало необязательно, можно было просто дождаться окончания контракта и отказаться от его продления без всяких объяснений. В 2015 году возвращается и советская практика контроля за «участием в общественно-полезном труде» («декрет о тунеядстве»^{***}).

Для периода до 2020 года характерными чертами запрета на профессию, практикуемого в Беларуси, было:

- «политическая сезонность» увольнений — они осуществлялись «профилактически» в период электоральных кампаний как наказание за проявленную политическую оппозиционную активность;
- концентрация на отдельных профессиональных сферах: «очистка» силовых структур и органов госуправления от инакомыслящих, увольнение гражданских и политических активистов из сфер, работающих с общественным сознанием (СМИ, образование, наука), вытеснение из публичного пространства авторитетных людей и потенциальных общественных лидеров;
- профессиональная и социальная маргинализация и вытеснение в менее социально защищенные сектора (такие как НГО, частный сектор экономики и т.п.) с меньшими возможностями профессиональной реализации;

¹ См.: **Запрет на профессию в Беларуси: разнообразие форм, задач и способов** // Центр европейской трансформации. — 12.09.2012: [https://cet.eurobelarus.info/files/File/Berufsverbot-Belarus\(1\).pdf](https://cet.eurobelarus.info/files/File/Berufsverbot-Belarus(1).pdf).

^{***} Так в народе сразу же был прозван Декрет президента Республики Беларусь № 3 от 2 апреля 2015 года «О предупреждении социального иждивенчества».

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

- неокончательный, временный характер запрета на профессию, когда для многих пострадавших от его применения возможность устроиться на работу по специальности в течение некоторого времени восстанавливались.

В этот период увольнения, отчисления из учебных заведений, «черные списки» были средством запугивания и наказания политических оппонентов через лишение их средств к существованию и возможностей для полноценной профессиональной самореализации в стране. Также эти методы служили способом борьбы с инакомыслием в государственных структурах, демонстрирующим неизбежность социальной маргинализации несогласных.

При этом до 2020 года реализация запрета на профессию в Беларуси все же имела значительные отличия от советских практик. Прежде всего в современной Беларуси отсутствовала (и все еще отсутствует) полная государственная монополия на сферу труда и занятости, а также самореализации человека. С развитием частного бизнеса и «третьего сектора» (некоммерческих организаций и инициатив, работающих в разных сферах: от зоозащиты до образования и науки) «эффективность» запрета на профессию как репрессивного инструмента снижалась, поскольку профессионалы, вытесненные за «нелояльность» из государственных институций, имели возможность реализоваться в негосударственном секторе. На каком-то этапе практику запрета на профессию можно было даже рассматривать как один из факторов, способствовавших развитию негосударственного сектора, который подпитывался профессионалами высокого уровня, несмотря на более низкий уровень зарплаток и социальной защищенности.

Однако политический кризис 2020 года в корне изменил ситуацию. Запрет на профессию стал одной из массовых репрессивных практик, направленных не только против отдельных граждан, участников протестного движения, инакомыслящих и нелояльных действующему в стране политическому режиму, но и частью стратегии властей по преобразованию социальной структуры, норм и отношений в обществе. В значительной степени это преобразование направлено на **восстановление на новом материале советских норм и образцов организации социальной и политической реальности.**

Запрет на профессию в Беларуси: новый этап

В ситуации разворачивания политического кризиса 2020 года и последующего периода репрессивная практика запрета на профессию в Беларуси стала одним из основных инструментов подавления гражданской политической активности и инакомыслия, наравне с применением насилия, лишением или ограничением свободы, запугиванием, выдавливанием из страны и т.п. От предыдущих периодов новейшей истории Беларуси применение запрета на профессию в настоящее время отличается не только масштабом, но и изменением форм и целей.

Для более глубокого анализа практики запрета на профессию в современной Беларуси и ее последствий для экономики и общества Центр европейской трансформации² совместно с Летучим университетом³ запустили мониторинговое исследование. В настоящем отчете результаты первого этапа исследования, охватывающие период второй половины 2020 года — первой половины 2022 года⁴, дополнены данными за вторую половину 2022 года вместе с описанием новых выявленных тенденций.

Целью исследования является анализ реализации в Беларуси практики запрета на профессию в 2020-2022 годах и ее гуманитарных и социальных эффектов.

В число **задач исследования** входило:

- 1) сбор материала и анализ случаев запрета на профессию;
- 2) выделение основных характерных черт запрета на профессию в современной ситуации (основания, цели и тактики действий властей, стратегии и тактики действий репрессированных);
- 3) определение ключевых проблем и их последствий для общества и отдельных людей;
- 4) определение направлений противодействия негативным последствиям.

² Центр европейской трансформации, см.: <https://cet.eurobelarus.info>.

³ Летучий университет, см.: <https://fly-uni.org>.

⁴ См.: **Практика «запрета на профессию» в Беларуси в 2020-2022 годах** // Центр европейской трансформации. — 08.11.2022: https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/22/DOC/2022_Berufsverbot-Belarus.pdf.

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

В качестве **эмпирической базы исследования** использовались^{*1}:

- данные мониторинга открытых источников (СМИ, Telegram-каналы) в период с декабря 2020 года по декабрь 2022 года (собрано около 300 кейсов увольнений или иных видов запрета на профессию в разных сферах);
- данные Белорусского ПЭН⁵, собранные в ходе мониторинга нарушений культурных прав и прав человека в отношении деятелей культуры в части увольнений в период 2021-2022 годов в сфере культуры и смежных сферах, непосредственно связанных с культурой (203 кейса);
- данные об увольнениях в сфере культуры, собранные Белорусской Радой культуры⁶ к концу 2022 года (88 кейсов);
- данные о пострадавших от репрессий медиках и работниках сферы здравоохранения, собранные Фондом медицинской солидарности Беларуси⁷ (219 кейсов);
- результаты онлайн-опроса, проведенного в рамках данного исследования (полевой этап реализован в мае-июне 2022 года, собрана 141 анкета);
- результаты глубинных интервью с пострадавшими от запрета на профессию представителями разных сфер (1-й этап: май-июнь 2022 года, 20 интервью; 2-й этап: август-сентябрь 2022 года, 10 интервью).

1. Формы и методы реализации запрета на профессию

С учетом развития общественных и экономических отношений, наличия разных форм собственности и типов занятости, на данном этапе мы включаем в обобщенное явление запрета на профессию следующие виды репрессивных действий со стороны властей:

- 1) **Увольнения.** Это наиболее универсальный и массово используемый инструмент реализации запрета на профессию, применяемый сегодня во всех сферах и на всех уровнях. В большинстве случаев увольнения происходят с использованием законных или

*1 Авторы исследования благодарны гражданским организациям и инициативам, которые, несмотря на существенные трудности, продолжают системно и скрупулезно осуществлять сбор информации в своих сферах.

⁵ **Беларускі ПЭН**, см. <https://penbelarus.org>.

⁶ **Беларуская Рада культуры**, см. <https://byculture.org>.

⁷ **Фонд медицинской солидарности Беларуси**, см.: <https://bymedsol.org>.

квазизаконных оснований. В первую очередь, это незаключение нового трудового контракта — поскольку в основном трудовые контракты в Беларуси имеют краткосрочный характер (перезаключаются каждый год или раз в два-три года), то это стало очень удобным способом избавляться от неугодных работников. Значительная часть таких увольнений происходит «по соглашению сторон», т.е. якобы по инициативе работника (он пишет заявление на увольнение). Однако этот способ оформления разрыва трудовых отношений лишь маскирует реальное давление на работников, которых принуждают к такому шагу через угрозы увольнения «по статье» или иных воздействий. Кроме того, широко применяется практика увольнений по надуманным причинам, когда работнику вменяются нарушения, которых он не совершал. Фактически с самого начала разворачивания практики запрета на профессию на нынешнем этапе людей, которые отбывали административный арест («сутки») за участие в акциях протеста, стали увольнять с работы «за прогулы», хотя по сути своей это было незаконно. Сегодня эта практика «узаконена» и продолжает распространяться на тех, кто попадает «на сутки» за «распространение экстремистских материалов» (перепосты или лайки в социальных сетях) либо по другим политически мотивированным обвинениям.

В отчете о результатах первого этапа исследования на основе данных опроса пострадавших от запрета на профессию людей мы подробно анализировали механизмы и инструменты, которые используются в ситуациях увольнения⁸, здесь же обозначим только основные характеристики, которые качественно отличают новый этап:

- чаще всего фиксируется наличие инициативы «сверху»: составляемые спецслужбами и передаваемые для исполнения руководителям учреждений и предприятий списки с фамилиями конкретных работников, которых надлежит уволить; прямые указания от сотрудников спецслужб или высшего начальства; указания уволить всех оппозиционных активистов либо причастных к тем или иным видам протестной активности (забастовки, независимые профсоюзы) и т.п.;
- отсутствие завуалированности и попыток скрыть реальные причины преследований и увольнений (чаще всего их знают все участники процесса, в том числе окружающие, коллеги);
- установки на то, чтобы человек уволился сам: настоятельные предложения оформить расторжение трудовых отношений «по собственному желанию» или «по соглашению сторон»;

⁸ См.: **Практика «запрета на профессию» в Беларуси в 2020-2022 годах** // Центр европейской трансформации. — 08.11.2022: https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/22/DOC/2022_Berufsverbot-Belarus.pdf.

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

- продолжительность давления в случае, если ситуация не разрешается сразу: если сотрудник не идет на «компромисс», ищутся другие формы давления и принуждения к увольнению либо нарушения, за которые можно уволить «по статье»;
- шантаж и давление, в том числе угрозы членам семьи, угрозы для других сотрудников или начальства.

2) **Лишения лицензий или неаттестация.** Относительно лишения лицензий в нашей ситуации речь идет в первую очередь о массовом процессе лишения лицензий на ведение адвокатской деятельности. Лишение адвокатов лицензий происходит несколькими способами: а) по результатам аттестаций (переаттестаций) квалификационными комиссиями; б) в связи с якобы совершением проступков, несовместимых со званием адвоката. Кроме того, практикуется исключение адвокатов из коллегий решениями дисциплинарных комиссий территориальных коллегий адвокатов, что автоматически лишает их возможности осуществлять профессиональную деятельность.

К этому же типу запрета на профессию можно отнести увольнения, которые организуются через процедуру конкурса или аттестации (для преподавателей вузов и академических работников), которую не проходят инакомыслящие или замеченные в оппозиционной политической активности, а также лишение аккредитации белорусских журналистов, работающих на иностранные СМИ, что лишает их возможности осуществлять профессиональную деятельность в стране на законных основаниях.

Сюда же можно отнести лишение лицензий на те или иные виды деятельности юридических лиц (издательское дело, медицинские услуги и пр.).

3) **Отчисления из вузов и иных профессиональных учебных заведений.** Студенты, замеченные в протестной и оппозиционной активности, акциях солидарности или организации независимых профсоюзов, сразу же подверглись массовому отчислению под различными предлогами. Мы рассматриваем эти действия в качестве одного из видов запрета на профессию, т.к. они препятствуют получению профессионального образования и дальнейшей профессиональной и трудовой самореализации. Для отчислений также чаще всего находились формальные поводы: «прогулы», «нарушения дисциплины», несдача зачетов и экзаменов, которую всегда можно организовать, и т.п.

4) В отношении предпринимателей практикуется **создание препятствий в ведении бизнеса**: лишение лицензий, организация со стороны инспекционных органов непрекращающихся проверок (налоговых, соблюдения правил пожарной безопасности и т.д.), парализующих деятельность, получение отказов на аренду или приобретение необходимых помещений и т.п.

- 5) **«Черные списки»** — неофициальные распоряжения, негласные запреты на заключение творческих контрактов, трансляцию в медиа, предоставление помещений для выступлений или творческих встреч. Этот вид запрета на профессию преимущественно касается людей творческих профессий, перед которыми закрываются все двери и возможности профессиональной самореализации. В нашей ситуации специфически новым способом реализации этой практики стало создание «экстремистских списков», в которые попадают не только люди, но и СМИ, организации, книги и журналы. С помощью этого механизма люди не просто выталкиваются с рынка труда, их деятельность и все, что с ней связано, криминализируется.
- 6) **Ликвидация НКО и негосударственных СМИ.** Процесс ликвидации общественных организаций любого типа, который носит массовый характер, оставляет их сотрудников без работы и социальной защиты, так же, как и закрытие или вытеснение из страны редакций национальных и региональных негосударственных СМИ. Ликвидация НКО всех форм (ассоциации, фонды, общественные объединения, учреждения) проводится также с соблюдением процедурной составляющей, с использованием судов всех уровней. Основания для ликвидации часто носят формальный или надуманный характер, кроме того, распространенной практикой стала ликвидация НКО на основании закрытой информации, предоставленной органами прокуратуры или иными госструктурами (т.е. даже в ходе судебного процесса эти основания не оглашаются). Кроме принудительной ликвидации НКО, широкое распространение приобрело также принуждение к самоликвидации — когда руководство организаций прямо (через вызовы на разговоры в спецслужбы или исполнительные комитеты) либо косвенно (с помощью бесконечных проверок, штрафов и прочих препятствований в деятельности) вынуждают самостоятельно закрыть организацию/учреждение.

2. Процесс разворачивания новых практик запрета на профессию в 2020-2022 годах

Основываясь на мониторинге сообщений в СМИ, анализе данных, собираемых различными гражданскими инициативами, коммуникации в открытых и закрытых группах в социальных сетях, можно проследить хронологию разворачивания репрессивной практики запрета на профессию в качестве реакции на политические события 2020 года.

Сообщения о начавшихся увольнениях (в частности, за отказ фальсифицировать результаты голосования, участие в акциях протеста и спонтанных забастовках) стали появляться буквально в первые дни после президентских выборов. В этот же период стала появляться информация о добровольных увольнениях государственных служащих и

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

силовиков в знак протеста против фальсификации выборов и вскрывшихся фактов применения чрезмерного насилия сотрудниками силовых структур при разгоне акций протеста.

Для последних (особенно для сотрудников силовых структур) увольнение с работы в качестве протеста в ситуации, когда прежний политический режим сохраняет контроль над страной, практически автоматически (за редким исключением) лишало их возможности возврата на госслужбу. В первые недели протестов были распространены случаи, когда работники госучреждений и организаций добровольно покидали их в знак солидарности с уволенными коллегами. Такие поступки для этих людей также были чреваты приобретением «волчьего билета», т.е. попаданием в «списки неблагонадежных» и лишением возможности дальнейшего трудоустройства по специальности.

Целенаправленная «зачистка» системы госслужбы от руководителей организаций и чиновников, открыто поддержавших протесты либо отнесшихся к ним лояльно, началась уже с середины августа 2020 года — сразу после организованного властями в Минске митинга в поддержку Александра Лукашенко. Именно с этого момента в ленты новостей все чаще стали попадать сообщения об увольнении с занимаемых должностей руководителей учреждений культуры, медицины, образования, спорта, госСМИ, а также об увольнении сотрудников МИД и лишения их дипломатических рангов.

На фоне непрекращающихся акций протеста увольнениям с работы сразу же повсеместно начали подвергаться их активные участники, в первую очередь те, кто объявил о начале забастовки и уходе в стачку: работники госСМИ, промышленных предприятий, преподаватели вузов и школ, медицинские работники и т.д.

В общем ряду выделились профессиональные спортсмены, открыто выступившие против фальсификации выборов и насилия — практически все из них, вне зависимости от спортивных достижений и заслуг, в первые же поствыборные месяцы были уволены из сборных команд своих видов спорта.

Для поддержавших протесты представителей творческих профессий тут же была возобновлена практика «черных списков» — запрета на выступления с концертами, спектаклями, проведение и участие в выставках, на присутствие в теле- и радиоэфирах госСМИ и т.п.

С началом учебного года, когда протестная активность стала разворачиваться в университетских стенах (студенческие акции, забастовки, петиции и обращения от имени академического сообщества), начались увольнения преподавателей, самые активные участники протестов и забастовок из числа студентов подверглись отчислениям.

Весь этот период происходило неуклонное ухудшение условий для деятельности журналистов из негосударственных медиа. Обвинения со стороны властей в адрес

беларусских независимых и иностранных медиа в «координации протестов» прозвучали еще накануне выборов, но с действительным началом массовых выступлений это обвинение стало общим местом. 29 августа 2020 года белорусский МИД лишил аккредитации несколько десятков журналистов иностранных СМИ (не только западных, но и российских), значительная часть которых являлась гражданами Беларуси. За освещение акций протестов журналистов начали задерживать и привлекать к административной ответственности наравне с участниками акций, происходило это на регулярной основе, как в столице, так и в регионах, а уже в ноябре несколько журналистов за свою профессиональную деятельность были подвергнуты уголовному преследованию и впоследствии приговорены к реальным срокам заключения. Дальше эта практика начинает быть постоянной.

Одна из первых редакций независимых СМИ (интернет-издание *Kyky.org*), опасаясь преследования, эвакуировалась из Беларуси уже в конце августа 2020 года. С октября того же года пошла череда сообщений о регулярных обысках, изъятии оргтехники, блокировке сайтов, конфискации тиражей, судах, штрафах, задержании руководителей и сотрудников, а также о закрытии изданий — как региональных, так общенациональных. С ужесточением репрессивного законодательства весной 2021 года, деятельность независимых общественно-политических медиа по сути оказалась в стране под запретом — любая критика действующих властей, освещение деятельности их оппонентов и предоставление тем слова стала квалифицироваться как «экстремистская деятельность». Пик репрессий против негосударственных медиа пришелся на конец весны — лето 2021 года, когда были закрыты самый читаемый интернет-портал *TUT.BY* и минская студия телеканала «Белсат» (май 2021 года), редакция газеты «Наша Ніва» и корпункт «Радыё Свабода» (июль 2021 года), информационное агентство БелаПАН (август 2021 года). Оставшиеся на свободе сотрудники этих и целого ряда других медиа и профессиональных организаций журналистов были вынуждены экстренно покинуть страну и восстанавливать работу вне ее пределов.

Репрессии были интенсифицированы с объявлением начала «Общенациональной забастовки» с 26 октября 2020 года, на что режим отреагировал распоряжением разобраться со всеми, кто присоединился к забастовке. Примерно с этого момента практика реализации запрета на профессию в ситуации политического кризиса приобретает тотальный характер. Повсеместно начались массовые увольнения (а также отчисления студентов) не только присоединившихся к забастовке, но и «неблагонадежных лиц» вообще: людей, принявших активное участие в предвыборной кампании на стороне независимых кандидатов, в уличных акциях протеста либо публично осудивших фальсификацию выборов и применение насилия в отношении протестующих, да и вообще давно обративших на себя внимание своими оппозиционными настроениями. На этом этапе актуализировалась тема преследования по политическим мотивам частных

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

бизнесов — многие из них в результате были вынуждены закрыться, а их владельцы покинуть страну.

В октябре 2020 года отмечены и первые громкие случаи лишения лицензий адвокатов, занимающихся защитой политзаключенных. Начиная с февраля 2021 года, эта практика приобрела массовый характер и реализуется до сих пор, есть случаи уголовного преследования адвокатов.

В начале 2021 года появились первые сообщения о составленных спецслужбами списках людей, подлежащих увольнению с работы за «нелояльность» политическому режиму, которые передавались в учреждения, организации и на предприятия для обязательного исполнения. По информации ряда медиа, первым делом такие списки были составлены в отношении сотрудников самих силовых ведомств, где «чистки рядов» были проведены в первую очередь и в несколько этапов. Основной же массив сообщений о массовых увольнениях людей на основании данных списков пришелся на конец 2021 года.

Известно, что в качестве «основы» для списков на увольнение использовались списки людей, подписавшихся за выдвижение независимых кандидатов в ходе предвыборной кампании, списки независимых наблюдателей на выборах, списки людей, которые подверглись задержаниям и отбывали административный арест во время акций протеста августа-декабря 2020 года. В дальнейшем эти списки обновлялись и пополнялись за счет участников забастовок, активистов или создателей независимых профсоюзов, путем выявления в социальных сетях тех, кто «негативно» высказывался в адрес действующих властей, а после — за счет тех, кто участвовал в акциях протеста и открыто осудил российскую военную агрессию против Украины и т.п.^{*II}

Летом 2021 года началось массовое применение еще одного вида запрета на профессию — ликвидация некоммерческих организаций (общественных объединений, учреждений, фондов, инициатив и т.п.). В середине июля в режиме спецоперации одновременно по всей стране произошли обыски в офисах десятка наиболее влиятельных организаций, был задержан ряд известных активистов сектора, одновременно с этим Минюст объявил о ликвидации нескольких сотен НКО. С этого момента практика ликвидации НКО различных форм приобрела системный и постоянный характер.

С лета 2021 года начинает вводиться ряд законодательных изменений, облегчающие практику запрета на профессию. 30 июня 2021 года в Трудовом кодексе появилось новое основание для расторжения трудового договора по инициативе нанимателя — отсутствие на работе по причине отбывания административного ареста, если это воспрепятствовало

^{*II} В 2023 году, который не входит в рассматриваемый период, появилась информация, что в некоторых организациях составляют списки на увольнение (на непродление контракта) просто по принципу «нелояльности», т.е. не на основе каких-то конкретных фактов, а на основе оценки личности.

исполнению трудовых обязанностей⁹. Таким образом была легализована возможность увольнения любого работника, подвергнувшегося административному аресту по решению суда или даже просто предварительному задержанию на двое-трое суток. К подвергнутым административному наказанию по политическим мотивам эта мера в государственных учреждениях и организациях стала приниматься почти в автоматическом режиме.

Позже были внесены изменения и в другие законы и подзаконные акты, либо усиливающие контроль за «идеологически нелояльными», либо усиливающие регламентацию доступа к профессии в различных сферах деятельности.

В 2022 году стала появляться информация о случаях отказа в приеме на работу или скрытых увольнений в отношении родственников политических заключенных. В независимых СМИ упоминались единичные случаи такого типа давления, в основном в отношении публичных лиц, однако, судя по всему, эта практика гораздо шире. Причины таких действий также не особо скрываются нанимателями (в белорусской практике это выражается расхожей фразой: «Ну, вы же сами все понимаете»), в отдельных случаях работодатели ссылаются на «распоряжения сверху».

К концу 2022 года проявилась еще одна тенденция реализации запрета на профессию, не вносящая принципиально новых форм и методов, однако симптоматичная для характеристики общего процесса. Это «кадровые чистки» в государственных учреждениях и на предприятиях, которые инициируются при смене руководства или при назначении новых «замов по идеологической работе и безопасности». На этапе 2020-2021 года мы наблюдали, что непосредственное руководство организаций, само находящееся под жестким контролем и давлением «сверху», часто старалось избегать увольнения своих работников, замеченных в «нелояльности», в том числе и потому, что избавление от ценных специалистов могло вызвать кадровые проблемы, создать напряжение во взаимоотношениях внутри трудовых коллективов. Теперь же создается впечатление, что вступление в должность для нового руководителя сопряжено с исполнением «ритуала» подтверждения собственной лояльности путем избавления от «нелояльных» работников^{*III}.

⁹ См.: **Статья 42. Расторжение трудового договора по инициативе нанимателя.** Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 296-З // Эталон-online: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296>.

^{*III} Отметим, что в конце 2022 года появилась информация о самых первых случаях таких «чисток», в 2023 году их количество увеличилось.

3. Масштабы реализации запрета на профессию в 2020-2022 годах

На сегодняшний день нет возможности объективно дать оценку масштабу явления, и непонятно, возможно ли это в принципе.

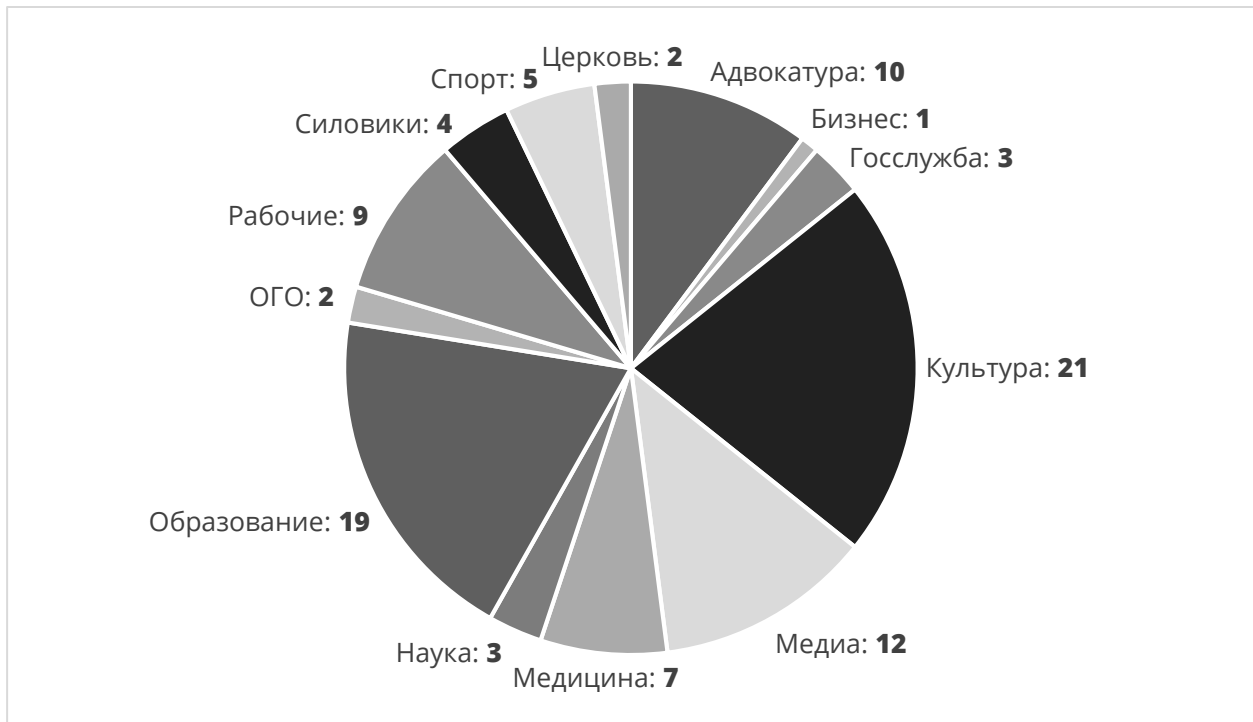
Во-первых, несмотря на то, что сама установка на «чистки» публично озвучивается в целях устрашения «нелояльных», на практике большой массив увольнений и иных видов реализации запрета на профессию происходит в скрытом, формально завуалированном виде. От людей добиваются решения уволиться самостоятельно, чтобы «не портить жизнь» себе и другим, широко используются возможности непродления трудовых контрактов, неаттестация (лишение лицензий), непрохождение по конкурсу (для академических работников) и т.д.

Во-вторых, большинство случаев остается непубличными, и с усилением репрессий в публичное пространство попадает все меньше информации. Чем дальше, тем больше работает установка, что публичность может помешать трудоустроиться в другом месте, более того, опубликование ситуации увольнения по политическим мотивам может приводить не только к проблемам с поиском новой работы, но и к другим еще более жестким видам преследования. Поэтому если в 2020-м и даже еще 2021-м году люди не скрывали, что их увольняют из-за их гражданской позиции или участия в протестном движении, то на сегодняшний день в публичное пространство попадают в основном либо истории людей, которые после увольнения уехали из Беларуси и находятся в безопасности, либо анонимные случаи, либо кейсы «массовых чисток», которые трудно скрыть.

В ходе мониторинга СМИ мы обнаружили около 300 описанных случаев увольнений по политическим мотивам в период с декабря 2020 года по декабрь 2022 года. Нельзя утверждать, что полученное нами распределение публичных упоминаний по сферам отражает реальную картину, важно скорее подчеркнуть разнообразие профессиональных сфер, в которых эти случаи фиксируются: от прокуратуры до церкви, от СМИ до медицины. Не имея возможности реально оценить численный масштаб проблемы, мы можем говорить о распространении ее на все сферы профессиональной деятельности.

Диаграмма. Упомянутые в СМИ случаи увольнений по сферам, %

В некоторых профессиональных областях существуют гражданские инициативы, которые ведут более или менее систематический сбор данных о случаях запрета на профессию. Такие инициативы есть в адвокатском сообществе (проект «Право на защиту»¹⁰), сфере культуры (Беларуский ПЭН¹¹ и Беларуская Рада культуры¹²), области медицины и здравоохранения (Фонд медицинской солидарности Беларуси¹³), независимых СМИ (Беларусская ассоциация журналистов¹⁴, *Media Solidarity Belarus*¹⁵). Их данные строятся на сборе информации из открытых источников, методом «снежного кома» или через учет обратившихся за помощью. Остальные профессиональные сообщества не ведут и такого учета^{*IV}.

¹⁰ «Право на Защиту», см.: <https://www.defendersbelarus.org>.

¹¹ Беларускі ПЭН, см.: <https://penbelarus.org>.

¹² Беларуская Рада культуры, см.: <https://byculture.org>.

¹³ Фонд медицинской солидарности Беларуси, см.: <https://bymedsol.org>.

¹⁴ Беларуская асацыяцыя журналістаў, см.: <https://baj.by>.

¹⁵ *Media Solidarity Belarus*, см.: <https://sites.google.com/belarus97.pro/media>.

*IV Нужно отметить, что инициативы по оказанию помощи репрессированным (в том числе и потерявшим работу) существуют и в других профессиональных сообществах, однако они не имеют фокуса на системном сборе информации.

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

В числе сфер профессиональной деятельности, наиболее пострадавших от запрета на профессию после событий 2020 года, можно назвать адвокатуру, сектор некоммерческих организаций (НКО) и негосударственные медиа — в том смысле, что эти сферы на сегодняшний день внутри Беларуси если не полностью ликвидированы, то находятся практически на грани исчезновения.

В сфере адвокатуры к концу 2022 года число специалистов, готовых браться за защиту политзаключенных, стало критически низким, в ряде регионов таковых не осталось вовсе (при том что количество политзаключенных в стране постоянно растет). По данным на конец 2022 года, как минимум 87 адвокатов было лишено права на профессиональную деятельность (девять из них подверглись уголовному преследованию)^{*v}.

Систематическая «зачистка» «третьего сектора» (НКО разных форм) началась в июле 2021 года и продолжается до настоящего времени. Сектор некоммерческих организаций и инициатив занимает небольшой сегмент на рынке труда, но сам тип занятости в нем обеспечивал возможности свободного самовыражения и развития и, кроме того, относительной независимости от действующего политического режима. Сегодня он оказался практически уничтожен. По данным мониторинга *Lawtrend*, к концу 2022 года сектор лишился как минимум 1173 некоммерческих организаций (общественных объединений, профессиональных союзов, фондов, негосударственных учреждений и ассоциаций)¹⁶. 757 из них подверглись принудительной ликвидации, 416 были вынуждены самоликвидироваться^{*vi}.

Беларусские негосударственные медиа в пределах страны также практически перестали существовать. Возможности осуществлять профессиональную деятельность лишились не просто отдельные журналисты, а целые профессиональные коллективы, были уничтожены либо вытеснены в эмиграцию редакции и журналистские профессиональные организации с многолетней историей.

По данным Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ), на момент июля 2022 года Беларусь вынужденно покинуло более 400 журналистов. Интернет-ресурсы практически всех белорусских медиа, работающих из-за рубежа, на сегодняшний день объявлены в Беларуси «экстремистскими материалами» и даже «экстремистскими формированиями», за

^{*v} По состоянию на июнь 2023 года эта цифра выросла до 110 адвокатов.

¹⁶ См.: **Ситуация со свободой ассоциаций и организациями гражданского общества Республики Беларусь: обзор за декабрь 2022 г.** // *Lawtrend*: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/situatsiya-so-svobodoj-assotsiatsij-i-organizatsiyami-grazhdanskogo-obshhestva-respubliki-belarus-obzor-za-dekabr-2022-g>.

^{*vi} К августу 2023 года эта цифра выросла до 1407 (900 НКО, в отношении которых принято решение о принудительной ликвидации и 507 самоликвидировавшихся) (см.: **Ситуация со свободой ассоциаций и организациями гражданского общества Республики Беларусь: обзор за август 2023 г.** // *Lawtrend*: <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/situatsiya-so-svobodoj-assotsiatsij-i-organizatsiyami-grazhdanskogo-obshhestva-respubliki-belarus-obzor-za-avgust-2023-g>).

подписку на их аккаунты и репосты их публикаций люди внутри страны подвергаются административному и уголовному преследованию. Оставшееся в стране не такое уж большое число, в сравнении с предыдущими годами, независимых СМИ испытывает значительные ограничения и затруднения в своей деятельности, находятся под постоянной угрозой: в 2022 году БАЖ зафиксировал 43 случая задержаний журналистов и 55 обысков, 33 представителя медиасектора на конец 2022 года находились в заключении¹⁷.

Среди других сфер, которые серьезно страдают от политически мотивированных увольнений и «чисток», можно отметить медицину, образование и культуру. Анализ данных, собранных инициативами, которые работают с этими конкретными профессиональными сферами, позволяет полагать, что пик «чисток» в сфере культуры, науки и образования пришелся на октябрь-декабрь 2021 года, после этого количество фиксируемых случаев увольнений или других форм запрета на профессию несколько снизилось. Однако, чем дальше, тем труднее оценивать масштаб происходящего путем анализа открытых источников — люди, которые попадают под репрессии, все больше избегают опубличивания своей ситуации (во всяком случае, те, кто остается в Беларуси), в то же время возможности мониторинга ситуации у правозащитных организаций и негосударственных СМИ также неуклонно снижаются. Очевидно также, что масштабы увольнений в этих сферах гораздо шире, чем можно зафиксировать путем анализа открытых источников или через обращения пострадавших^{*vii}.

На сегодняшний день мы можем оценить только совокупный эффект воздействия на эти сферы всего комплекса негативных факторов, которые являются следствием разворачивания политического кризиса 2020 года: запрета на профессию, эмиграции работников из страны по политическим и экономическим причинам, ухода людей из профессии вследствие сложившегося психологического фона и давления, общей экономической ситуации.

Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь показывают, что в 2020-2021 году во всех этих трех сферах наблюдался значимый отток кадров. В сфере образования разница между принятыми на работу и уволенными была отрицательной и до 2020 года, однако объемы кадровых потерь в 2020 году выросли в разы. В области же здравоохранения и культуры (творчество, спорт, развлечения, отдых) в 2018-2019 году

¹⁷ См.: **СМИ в Беларуси в 2022 году** // Белорусская ассоциация журналистов. — 30.03.2023: <https://baj.by/ru/analytics/smi-v-belarusi-v-2022-godu-0>.

^{*vii} Так, по данным, собранным Белорусской Радой культуры, из 88 человек, подвергшимся репрессиям в сфере культуры, лишь 20 сообщили, что они не знают фактов других увольнений в их организации. Все остальные свидетельствовали о том, что они не единственные уволенные в своей организации.

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

наблюдалась положительная динамика, сменившаяся в 2020 году резко отрицательной^{*VIII}.

Таблица. Разница между принятыми на работу и уволенными по сферам деятельности, 2018-2022 годы¹⁸

Сфера	Разница между принятыми на работу и уволенными				
	2022	2021	2020	2019	2018
Образование	-4956	-7870	-9232	-1817	-2691
Здравоохранение и социальные услуги	2111	-1851	-2959	+1158	+1909
Творчество, спорт, развлечение, отдых	-269	-1047	-4784	+405	+244

Если верить официальной статистике, то в сфере здравоохранения отрицательный тренд в 2022 году был преодолен, тем не менее, если ориентироваться на среднесписочную численность работников по данным секторам экономики, то сектор здравоохранения по сравнению с «докризисным» 2019 годом сократился минимум на 2% работников, образование — на 5,7%, сектор «творчество, спорт, развлечения, отдых» — на 8,6%¹⁹. Даже со всеми допущениями по поводу того, что учитывает, а что не учитывает система государственной статистики, эти потери можно оценивать как достаточно серьезные. Вопрос снижения качества кадров в этих сферах в результате постоянных «чисток» довольно много обсуждается в СМИ, но для объективной оценки требует дополнительного исследования.

4. Установки на ресоветизацию в реализации запрета на профессию

Отметим ряд важных моментов, которые характеризуют реализуемую на текущем этапе практику запрета на профессию в Беларуси как процесс ресоветизации, т.е. ведут к восстановлению советских норм и практик не только в трудовых, но и в целом в социальных отношениях.

^{*VIII} Следует учитывать, что белорусская государственная статистика имеет ряд недостатков, связанных и с используемыми статистическими категориями, и с методами сбора информации, поэтому относиться к ее данным нужно с некоторой долей осторожности.

¹⁸ Источник: ежегодные отчеты Национального статистического комитета Республики Беларусь «Численность, заработная плата работников, затраты организаций Республики Беларусь на рабочую силу», расчеты авторов.

¹⁹ Там же.

Тотальное вытеснение и контроль. Нынешний этап реализации запрета на профессию разворачивается таким образом, чтобы обеспечить не только «наказание» за поступок, действие, выражение своей позиции, но и полностью вытеснить «нелояльных» из системы трудовых отношений. Для того, чтобы обеспечить контролируемость процесса и лишить уволенного шансов на трудоустройство в другом месте, создаются списки и базы, по которым отделы кадров (или идеологические отделы) обязаны сверять всех соискателей. Закрепляются, в том числе и законодательно, и иные инструменты контроля, которые претендуют на полноту и тотальность.

Так, с 12 октября 2021 года произошли изменения в требованиях для характеристик с прежнего места работы²⁰, которые необходимы для устройства на работу в государственные организации и учреждения, а также организации с 50% доли государственной собственности. Прежде всего, наниматель теперь **обязан** затребовать такую характеристику. Изменились и требования к содержанию характеристики работника, теперь она обязательно должна включать в себя следующие данные:

- об отношении к государственным и общественным институтам, конституционному строю;
- о совершавшихся действиях против порядка управления и общественной безопасности, наличии антигосударственных проявлений работника на рабочем месте²¹.

Комментируя введение этих новшеств, глава Министерства труда и соцзащиты Ирина Костевич не скрывала их назначения: «Вместе с тем, события, имевшие место в 2020 году, показали необходимость принятия дополнительных мер, в том числе и законодательного плана, по недопущению проникновения в государственные органы и организации деструктивно настроенных граждан, открыто выступающих против политического курса нашего государства»²².

Таким образом, в практику трудоустройства включен пункт о политической лояльности и благонадежности. С учетом широкого сектора экономики с государственным участием, такое требование превращается в «черную метку» для всех замеченных в «нелояльности» к существующему режиму. Кроме того, в условиях общего репрессивного фона и запугивания этот пункт становится важным и для организаций частной формы собственности, для которых новые требования не вменены как обязательные, однако

²⁰ См.: **Руководителей госорганов обязали при приеме граждан на работу запрашивать характеристику с предыдущей работы** // БелТА. — 12.10.2021: <https://www.belta.by/president/view/rukovoditelej-gosorganov-objazali-pri-prieme-grazhdan-na-rabotu-zaprashivat-harakteristiki-s-464116-2021/>.

²¹ См.: **Постановление Совета министров Республики Беларусь от 14 октября 2021 года № 585 «О форме характеристики»** // Pravo.by: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100585>.

²² См.: **Министр труда и соцзащиты уточнила, когда наниматель обязан запрашивать характеристику на работника** // «Экономическая газета». — 10.11.2021: <https://neg.by/novosti/otkrytj/ministr-truda-i-soczaschity-pro-harakteristiku-na-rabotnika/>.

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

очевидно предлагаются в качестве образца для подражания и практики, которая может обезопасить их собственный бизнес.

Введение специальных пунктов характеристики демонстрирует попытку технологизации процесса и установку на тотальное недопущение политически «нелояльных» лиц к рынку труда. Это отражается как на последствиях для отдельных людей, так и на влиянии процесса массовых увольнений на общество в целом.

Прямое вмешательство спецслужб. Вопросы об увольнении (особенно по спущенным «сверху» спискам) в настоящее время очень часто решаются не в системе отношений «работник—администрация», а в отношениях «трудовой коллектив (в том числе, нередко включая руководителя) — репрессивные госорганы (КГБ, министерства, исполкомы)». Непосредственные руководители часто оказываются либо простыми исполнителями спущенных «сверху» указаний, либо в ситуации «между молотом и наковальней» (когда, пытаясь каким-то образом отстоять сотрудников, сами попадают под давление и увольнения).

Характерным в этом ключе можно считать известные факты смены в госучреждениях и на предприятиях руководителей высшего и среднего звена на людей, имеющих либо имевших непосредственное отношение к силовым структурам. Расширяются полномочия и вводятся новые позиции специалистов или заместителей «по идеологической работе и безопасности», на которых возлагается функция политического и идеологического контроля трудовых коллективов. В отдельных областях и организациях ни одно кадровое решение не принимается без согласования с «идеологическими работниками», иногда вопросы найма и увольнения работников переходят полностью в их компетенцию.

Таким образом, мы наблюдаем восстановление советской практики идеологического контроля и контроля спецслужб, которому подчиняется непосредственное производство и любая деятельность организаций вообще.

Возвращение принципа распространения наказания за «нелояльность» на членов семьи, родственников. Постепенно расширяется практика, когда запрету на профессию (как и другим видам репрессий) подвергаются родственники политических заключенных, публично известных активистов, вынужденных эмигрантов, продолжающих политическую активность за пределами страны. В редких случаях такие действия можно интерпретировать как попытки давления на самих активистов, в большинстве своем они не имеют никакой другой прагматической цели, кроме маргинализации не только самих оппозиционно настроенных граждан, но и членов их семей. Таким образом власти пытаются усилить стигматизацию нелояльности и инакомыслия, возвращаясь к советской практике репрессий, когда преследованию подвергались целые семьи.

Ликвидация социальных лакун и ниш для инакомыслящих. В предшествующие годы люди, подвергавшиеся запрету на профессию, часто находили возможности для самореализации (или хотя бы выживания) в негосударственном секторе (НКО и частном бизнесе). Будучи не слишком широкими и развитыми, эти сферы тем не менее могли кооптировать тех, кого пытались вытеснить из профессиональной деятельности, социальной жизни и экономических отношений. В ходе текущей кампании массовых политических репрессий подавляющее большинство общественных организаций и негосударственных медиа в стране были показательно уничтожены, были созданы значительные сложности для работы как индивидуальных предпринимателей, так и более крупного частного бизнеса. Негосударственный сектор экономики сокращается, кроме того, продолжающие функционировать структуры берутся под гораздо более жесткий идеологический контроль, чем когда бы то ни было. Ужесточается регламентация и принимаются новые законы о лицензировании деятельности в тех сферах, где раньше существовала относительная свобода. Постепенно это ведет к восстановлению государственного контроля над всей сферой трудовых отношений, как это было в советские времена, хоть и с сохранением разных форм собственности и типов занятости, формального существования общественных организаций и т.п.

5. Факторы, препятствующие полноте восстановления советских практик и тотального контроля

Реализацию установки действующих властей по восстановлению полного контроля над обществом, в том числе при помощи практики запрета на профессию, затрудняет ряд факторов, которые существенным образом отличают ситуацию на нынешнем этапе от всех предшествующих. Рассмотрим основные из них.

Общественные настроения и общий социально-психологический фон. Важной частью ситуации реализации запрета на профессию является реакция окружения. На предыдущих исторических этапах организация «общественного порицания», моббинга или буллинга со стороны коллег являлась важной частью практики запрета на профессию, как в СССР, так и в независимой Беларуси. Коренным отличием ситуации после 2020 года является возросший уровень солидарности и социальной поддержки людей, подвергшихся тем или иным видам репрессий. Выступления против действующего в стране авторитарного режима стали самыми масштабными с момента его установления. Метафорические «97%» указывали, что не просто увеличилось число людей, оппозиционно настроенных к действующим властям, но, что важнее, они ощутили себя

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

большинством, находили подтверждения, что их позиция и действия не маргинальны и исключительны, а широко разделяемы.

На волне общественно-политического подъема 2020-2021 года люди, попавшие под запрет на профессию, как правило, сохраняли уверенность в своей правоте и чувствовали поддержку со стороны своего окружения, как в профессиональной среде, так и в дружеском и семейном кругу²³. То есть, несмотря на объективные проблемы, ситуация имела позитивный психологический и моральный фон.

В этот же период нередкими были случаи увольнения в знак солидарности и протеста — явление, характерное именно для 2020-2021 года. Речь идет прежде всего о государственных учреждениях и предприятиях, работа в которых требует занятия конкретной политической и идеологической позиции. Отказ от соучастия в преступных действиях, нежелание быть частью репрессивной и идеологической машины, критическое расхождение в этических и моральных принципах стали основаниями для многих увольнений. Яркие публичные кейсы такого рода увольнений (из Национального академического театра им. Янки Купалы, Министерства иностранных дел, теле- и радио компаний, вузов и т.п.) подкрепляли уверенность людей, подвергшихся увольнениям за выражение своей гражданской позиции, в морально-этической правильности своих действий.

С усилением репрессий и все большей «закрытостью» ситуации, усилением установки на отказ опубличивать свои случаи попадания под запрет на профессию, уходом протестной активности в полуподпольное (а после и полностью подпольное) состояние, общественная поддержка уже не ощущается как массовая, однако она сохраняется как в референтных группах, так и в более широком окружении.

Уровень развития гражданского общества. События 2020 года проявили достигнутый уровень развития гражданского общества в Беларуси и одновременно послужили толчком к бурному формированию новых сообществ, инициатив и структур. Первые деятельные ответы со стороны гражданского общества на применение практик запрета на профессию против участников протестного движения появились уже в августе 2020 года^{*IX}, с увеличением числа случаев увольнений по политическим мотивам увеличивалось и количество инициатив, оказывающих помощь пострадавшим от запрета на профессию. Это инициативы, сформировавшиеся в профессиональных сообществах

²³ См.: **Практика «запрета на профессию» в Беларуси в 2020-2022 годах** // Центр европейской трансформации. — 08.11.2022: https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/22/DOC/2022_Berufsverbot-Belarus.pdf.

^{*IX} Уже через неделю после дня выборов возник Фонд солидарности *BYSOL*, одной из целей которого была на тот момент «помощь гражданам, которые потеряли работу в связи с участием в акциях протеста против результатов выборов в Беларуси», а также поддержка государственных служащих и силовиков, готовых оставить свои посты в знак протеста.

(журналистов, деятелей культуры, адвокатов, медиков, учителей, ученых, спортсменов, рабочих), фонды солидарности и организации широкого правозащитного профиля.

По мере практически полного вытеснения активных структур гражданского общества за пределы страны, их деятельность и возможности все больше переориентируются на помощь тем, кто оказался в вынужденной эмиграции. И хотя решить основную проблему, связанную с поиском новой работы, эти структуры чаще всего не в состоянии, однако они оказывают помощь в сопутствующих процессах: в легализации, подтверждении квалификации, изучении языка страны пребывания, оформлении нужных документов, психологической адаптации и пр. Возможности таких структур внутри Беларуси довольно ограничены, тем не менее, для определенных профессиональных групп они продолжают оставаться очень важными, особенно когда находятся гибкие способы поддержки (например, стажировки или стипендии в зарубежных институтах — для ученых, журналистов, культурных деятелей; возможность продолжить обучение в европейских университетах — для отчисленных студентов, и т.п.).

Кроме того, в период общественно-политической мобилизации 2020 года сформировалось большое количество сообществ и сетей, часть из которых сохраняет налаженные связи и отношения и сегодня выступает в том числе в качестве групп взаимопомощи. Это и профессиональные группы, и соседские сообщества, и сети, образовавшиеся по очень разным критериям, связанным с протестной активностью (от совместного опыта участия в акциях до взаимодействия родственников политзаключенных). Участники таких сообществ и сетей, попадающие под запрет на профессию (как и под другие виды репрессий), зачастую находят поддержку именно там, как минимум, моральную и материальную, а иногда и помощь в поиске новой работы, переобучении, трудоустройстве.

Доступность внешней мобильности/эмиграции. Относительная открытость границ, помощь со стороны белорусской диаспоры и европейских стран (особенно стран, граничащих с Беларусью) создают сравнительно благоприятные условия для эмиграции белорусов, лишившихся работы и/или подвергающихся другим преследованиям по политическим основаниям. Вынужденная эмиграция всегда травматична, однако многие воспринимают ее как единственный или наиболее рациональный выход из сложившейся ситуации. Чаще всего люди, попавшие под увольнения, уезжают в поисках работы или просто из-за понимания, что в теперешней Беларуси возможности профессиональной реализации для них недоступны. Отъезд из страны является социально одобряемым поступком со стороны референтной группы (других участников протестного движения 2020 года), в большинстве случаев власти также не препятствуют тем, кто решил покинуть страну (добровольная эмиграция вполне укладывается в реализацию установки режима на избавление от «нелояльных»).

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

Относительная доступность такого выхода из ситуации, как временный отъезд из страны или эмиграция, смягчает последствия практики запрета на профессию на индивидуальном уровне, однако ведет к серьезным негативным последствиям для белорусского общества в целом, в том числе меняя баланс носителей демократических и авторитарных установок внутри страны.

6. Системные эффекты реализации запрета на профессию для белорусского общества

В целом, можно обозначить ряд ключевых эффектов, которые несет с собой разворачивание нового этапа запрета на профессию в Беларуси в том виде и в тех масштабах, которые мы сейчас можем наблюдать:

1. **Кадровый голод и снижение общего уровня профессиональной квалификации.** Практика запрета на профессию реализуется без всякого учета состояния производственных процессов, работы организаций и целых отраслей, идеологические интересы «чисток» ставятся выше экономических, выше интересов эффективного функционирования важнейших сфер жизнеобеспечения общества. Фактически уже наблюдается существенный кадровый голод в образовании, медицине, культуре, медиа и других областях. Кроме проблемы нехватки кадров, встает вопрос квалификации тех, кто остается. Часто гражданскую активность, наличие собственной позиции проявляют люди инициативные, обладающих высокой профессиональной квалификацией, имеющие определенные амбиции. В результате, увольнениям подверглись наиболее квалифицированные специалисты, которые зачастую занимали ведущие позиции и выполняли уникальные работы, были лидерами профессии и творчества. Как следствие (вкуче с массовой эмиграцией), многие институции, предприятия и даже отрасли лишились своего основного кадрового ресурса, а также возможности растить новые кадры.
2. **Изменения в социальной структуре общества.** Если в предыдущий период через запрет на профессию происходило вытеснение «нелояльных» в менее защищенные сектора (неформальные инициативы, НКО, частный бизнес), где в итоге формировалось своеобразное социальное пространство для свободы творчества, инициативы, нестандартности, то в нынешних условиях все действия в комплексе направлены на то, чтобы исключить возможность любой активности, не находящейся под непосредственным контролем властей. Такой эффект создается за счет массовых увольнений в комплексе с уничтожением общественного сектора и ухудшением условий для частного бизнеса. Это меняет саму структуру общества, в котором не остается лакун для

инакомыслящих, «островков свободы» и пространства для развития, социальная структура постепенно становится все более похожей на структуру тоталитарных обществ.

3. **Негативные гуманитарные последствия и эффекты.** Во-первых, человек, лишившийся работы, оказывается под гнетом неопределенности и по отношению к будущему, и по отношению к собственной идентичности, своей жизни, самореализации. Это оказывает разрушительное воздействие на душевное состояние даже тогда, когда есть поддержка и помощь со стороны семьи, друзей и коллег. Во-вторых, несправедливые увольнения коллег являются серьезным испытанием для трудовых коллективов. Люди оказываются перед мучительными дилеммами: под риском собственного увольнения выступить в защиту увольняемых коллег либо промолчать и сохранить работу; проявить солидарность и совершить гражданский поступок либо сохранить возможность продолжать свое дело в сложных условиях. На почве всего этого растет уровень недоверия и взаимных претензий. Это сказывается не только на уровне профессионализма, но и на самоуважении людей, психологическом самочувствии.
4. **Уничтожение профессиональных сообществ.** Практика реализации запрета на профессию в отношении активных, независимых и деятельных людей резко понижает качество профессиональных сообществ и, в перспективе, ведет к их фактическому исчезновению или вырождению. Профессиональная среда всегда служила одним из важнейших факторов развития. Коммуникация между коллегами, наличие образцов для подражания, разнообразие опыта создают условия и для профессионального роста, и для человеческого развития. В ситуации, когда профессиональные качества подменяются проявлением лояльности, эта среда разрушается. Таким образом создаются условия для социальной деградации, уничтожаются те минимальные горизонтальные структуры гражданского общества, которые являются несущей конструкцией для любых общественных преобразований: сообщества, группы, профсоюзы и т.д.
5. **Изменение этических установок.** Учитывая масштабы и системность реализации практики запрета на профессию, можно говорить о том, что в конечном итоге она направлена на формирование «новых» ценностных и этических установок, построенных на лояльности, отсутствии солидарности и деморализации. «Оставшихся» и «уволенных» разделяют не только разные обстоятельства жизни, но и вопросы морали (самооценка, чувство предательства и т.д.). Это, с одной стороны, создает дополнительные барьеры в отношениях между людьми, а с другой — ведет к оформлению определенной этической системы. Время работает на ее укрепление и трансляцию для будущих поколений.

Основные выводы и направления действий

Подводя итоги исследования, можно отметить, что реализуемая репрессивная практика запрета на профессию имеет для современной Беларуси беспрецедентный характер. Системность и целенаправленность этой практики подтверждается не только разнообразием форм и методов, не только масштабностью и охватом различных профессиональных групп, но и организационным и законодательным закреплением механизмов контроля и избавления от «нелояльных» работников. В условиях продолжающихся репрессий и сворачивающейся публичности в Беларуси практика запрета на профессию становится все более скрытой, однако это не снижает ее эффектов.

Несмотря на то, что на фоне других видов репрессий, продолжающихся в стране, увольнение с работы или ликвидация организации кажутся сравнительно «мягкими» формами преследования, систематическая практика запрета на профессию ведет к серьезным негативным последствиям как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Общий комплекс действий в русле реализации запрета на профессию сегодня направлен на то, чтобы человек не просто потерял работу, а на полную маргинализацию большого числа оппозиционно настроенных по отношению к действующему в стране режиму людей. В общественном измерении негативные эффекты имеют как экономический характер (снижение профессионального уровня и кадровый голод в определенных сферах, снижение эффективности работы организаций и предприятий), так и социальный (нагнетание атмосферы страха, разрушение профессиональных сообществ, изменение этических установок).

Можно констатировать, что сегодня практика реализации запрета на профессию переключилась с прежней установки избирательной борьбы с политическими оппонентами действующего режима на установку тотальной борьбы со всеми «нелояльными» и во всех сферах. В практике запрета на профессию в настоящее время можно найти заимствование опыта из прошлых периодов, сознательно или по инерции деятели режима копируют многие установки и механизмы контроля, которые реализовывались в советском обществе. На данный момент состояние белорусского общества и внешние условия не позволяют обеспечить тот уровень тотального контроля, который был достигнут в СССР, однако при отсутствии позитивных изменений общей ситуации количество степеней свободы для инакомыслящих и просто не проявляющих активной лояльности граждан будет уменьшаться.

Таким образом, на нынешнем этапе запрет на профессию следует рассматривать как целенаправленную политику по изменению общественного сознания и социальной

структуры белорусского общества. Эта политика строится не на переубеждении, продвижении тех или иных представлений, формировании доверия к власти и ее идеологии, основным ее инструментом становится «выдавливание» за пределы общества и страны нелояльных действующему режиму граждан. Для них и их семей создаются условия, в которых они ставятся на грань выживания, лишаются средств к существованию, своего социального статуса и капитала. Эта политика копирует советскую практику, построенную на таком представлении о социальной структуре общества, в которой отсутствовали какие-либо ниши для неписанного в систему образа действия и мысли.

Выстраивание системы снижения негативных социальных эффектов запрета на профессию должно стать основанием для стратегии действий. Они должны осуществляться в нескольких направлениях:

1. **Идентичность, позиция и принадлежность «стороне добра».** Знание о массовом характере запрета на профессию, информация об этом явлении как о целенаправленной репрессивной практике может оставаться источником для моральной и психологической поддержки людей, которые ему подвергаются. Принадлежность если не к большинству, то к большой общности достойных людей является тем позитивным компонентом данной ситуации, который должен осознаваться. Сохранение высокой самооценки, осознания правоты собственной гражданской позиции является важным элементом сопротивления. Поддержание в общественном сознании этой темы, знание о масштабах и отдельных случаях может выступать не только элементом защиты прав человека и анализа актуальной ситуации, но и частью помощи и поддержки тех, кто подвергся запрету на профессию. Соответственно, эта тема требует широкого медийного освещения, направленного на сохранение самоуважения для тех, кто пострадал от запрета на профессию.
2. **Социальный капитал и горизонтальные связи.** Важное значение для позитивного выхода из ситуации после увольнения имеет объем социальных связей и взаимодействий (объем социального и символического капитала). Это позволяет найти как временную поддержку, так и новые пути и возможности. Чтобы человек не оказывался наедине со своими проблемами, необходима мобилизация социального капитала, сетевых взаимодействий и помощи сообществ, в которых люди могли бы находить опору и поддержку. Здесь важно использовать потенциал имеющихся горизонтальных связей и сообществ: локальных, профессиональных, а также построенных на ценностях и интересах (религиозных и пр.).
3. **Информация, модели и образцы.** Оказавшись в ситуации смены профессиональной сферы или формата деятельности, в условиях крайнего дефицита ресурсов (временных, моральных, финансовых), человек должен иметь возможность быстро найти

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

качественную информацию о разнообразных возможностях и шагах действий. Критично важными здесь являются несколько параметров:

- доступность информации (об этом должны говорить многие медийные каналы);
 - разнообразие моделей, образцов и предложений для различных обстоятельств и возможностей: от более ресурсно затратных до самых простых и временных, от требующих квалификации и переквалификации до доступных любому человеку;
 - ясность первых шагов и процедур (юридическая, организационная, финансовая сторона).
4. **Обучение, консультирование и «свой» рынок труда.** Так как действующий в стране политический режим с помощью запрета на профессию перекраивает белорусское общество, то необходимо создавать устойчивые структуры, формирующие альтернативную социальность. Речь идет о широких программах образования, повышения квалификации, получения дополнительных профессиональных навыков. Это не может быть средствами первой помощи, однако такая система должна создаваться, чтобы постепенно включать в себя белорусов, ориентированных на новую Беларусь. В том числе, в нее должны входить учреждения, организации и предприятия, имеющие возможность трудоустраивать и способствовать развитию и повышению материального и социального статуса для потерпевших от запрета на профессию. Задача состоит в создании и повышении потенциала белорусского общества, вместо растворения его в обществах других стран.

«Запрет на профессию» в Беларуси: возврат к советским практикам и уникальные черты

Отчет по результатам исследования

© **Центр европейской трансформации**, 2023

© **Летучий университет**, 2023